

Приведенные примеры убеждают в одном: велика роль детали в понимании стиля, менталитета, социолекта. Чтобы соотносить тот или иной текст с его стилем, надо тренироваться в постижении частности. Частность, выводящая к целому, – это и есть техника герменевтического круга. Техника герменевтического круга может выводить к предвосхищению как оценке всего текста.

#### **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ**

1. Богин, Г.И. Обретение способности понимать / Г.И. Богин // Фонд институт развития им. Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. – 2018. Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/6>. – Дата доступа : 29.02.2018.
2. Вознесенский, А.А. На виртуальном ветру / А.А. Вознесенский. – М.: Вагриус, 1998. – 477 с.
3. Горелов, И.Н. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. / И. Н. Горелов. – М.: Наука, 1987. – 265 с.
4. Неклюдов, С.Ю. Современный городской фольклор / С.Ю. Неклюдов. – Москва: РГГУ, 2003. – 736 с.
5. Щербатов, С. Художник в ушедшей России / С. Щербатов. – М.: Согласие, 2000. – 688 с.

#### **ОККУПАЦИОННАЯ СУДЬБА ЕВРЕЕВ В РОМАНЕ Т. МИГАЛЯ «ШИНОК «СЕЛЬДЬ НА ЦЕПИ»**

#### **THE OCCUPATIONAL FATE OF THE JEWS IN T. MIGAL'S NOVEL “TAVERN “HERRING ON THE CHAIN”**

***Н. В. Горбач***

***N. V. Horbach***

Запорожский национальный университет  
Запорожье, Украина

Zaporizhzhya National University  
Zaporizhzhya, Ukraine

*e-mail: horbachnathalia@gmail.com*

В статье рассмотрена художественная рецепция Холокоста в романе Т. Мигалья «Шинок «Сельдь на цепи», который продемонстрировал изменение отношения украинской литературы к ранее негласно табуированной еврейской теме, гуманизацию литературы о событиях Второй мировой войны. Предложенный аспект анализа является важным с точки зрения переосмысления и переоценки прошлого, в том числе связанного с Холокостом.

*Ключевые слова:* роман; гуманизация; человек; Холокост; жертвы войны.

The article presents the artistic reception of Holocaust in T. Myhal's novel “Tavern “Herring on the chain”, which shows the change of Ukrainian writers' attitude to the previously tabooed Jewish theme, the humanization of lit-

erature about World War II. The suggested aspect of analysis is important for overthinking and overestimating the past, especially dedicated to Holocaust.

*Keywords:* novel; humanization; human; Holocaust; war victims.

Холокост как составляющая травматического опыта Второй мировой войны в европейском социогуманитарном пространстве приобрел реартикуляцию в конце 1960-х годов в связи со студиями памяти. «Крещендо памяти о Холокосте, – по словам А. Ассман, – нарастает с примерно двадцатидвухлетней периодичностью. Понадобилось два десятилетия, чтобы Холокост вышел из тени событий Второй мировой войны и чтобы о нем заговорили после судебных процессов в Иерусалиме и Франкфурте-на-Майне; потребовалось еще два десятилетия, чтобы это преступление против человечности заняло новое место в интеллектуальных дебатах и в актах коммеморации; еще двадцать лет ушло на то, чтобы Холокост был увековечен в музеях и мемориалах по всему миру» [1, с. 58]. В соответствии с этим, пиковыми для мемориализации Холокоста названы 1945, 1965, 1985 и 2005 годы. Появление «новой чувствительности, новых способов видения, описания и оценки мира» [8, с. 17] привело к переакцентированию внимания с истории героического действия на историю жертв.

Украинская литература о событиях Второй мировой войны в советские времена создавалась с позиции победителей, голоса жертв войны начали проникать в нее значительно позже, поскольку «геноцидное прошлое не имело места в официальном советском сегодня» [7, с. 10]. По-настоящему качественно новый образ украинско-еврейского диалога стал реакцией на изменения в обществе 1990-х годов. Его интенсификации способствовали переводы произведений еврейских писателей на украинский язык, становление украинской иудаистики и семитологии. Важным полем формирования межкультурной толерантности стала, наряду со средствами массовой информации, публицистикой и художественная литература. Лишенная идеологического давления, она и в разработке темы Холокоста исходит из чисто гуманистических, вненациональных, внерелигиозных соображений. Повести А. Деко «Кедойшим: повесть-хроника Шепетовского гетто» (1995), Р. Плотниковой «В овраге угасающих звезд» (2007), Н. Машенко «Дитя еврейское» (2008), М. Матиос «Черевички Божьей Матери» (2013), романы Р. Иванчука «Огненные столбы» (2006), «Торговица» (2012), О. Забужко «Музей заброшенных секретов» (2009), Л. Денисенко «Отголоски: от погибшего деда к умершему» (2012), Е. Бабкиной «Соня» (2013), Ю. Винничука «Танго смерти» (2013), Т. Пахомовой «Я, ты и наш рисованный и нерисованный Бог» (2016), М. Дупешко «История, которая стоит целого яб-

лоневого сада» (2017), несмотря на их жанровое и стилевое разнообразие, составляют единый эмоционально-идеологический комплекс, свободный от стереотипов предыдущих лет.

Целью же нашего анализа является роман Тараса Мигаля «Шинок «Сельдь на цепи» (1966), который продемонстрировал изменение тоналности еврейских мотивов в украинской советской литературе.

Тема Холокоста как свидетельство травматического опыта Второй мировой войны осталась практически не отрафлексированной украинской литературой 1940–50-х гг., что было обусловлено как спецификой литературного процесса Украины в целом, так и особенностями межнациональных отношений этого периода: попытки украинско-еврейского диалога 1920–30-х гг. XX в. сначала были заторможены, а затем прерваны Второй мировой войной. Реставрация в послевоенный период имперского шовинизма ознаменовала наступление периода 1948–1953 годов, называемого «черными годами» советского еврейства. В среде писателей и литературоведов это вылилось в борьбу с т. н. «космополитизмом», которая в Украине приобрела жесткий характер. Следствием «раскрытия» псевдонимов, публичного остракизма, обвинений в украинском и еврейском буржуазном национализме стала обделенность литературного процесса этого периода произведениями, в которых бы звучала еврейская тема вообще и Холокоста в частности. Даже не все поэтические произведения, авторы которых оперативно откликнулись на трагедию уничтожения еврейского народа нацизмом, были напечатаны в то время.

Сдвиги в общественно-политической жизни Украины 1960-х годов начали менять и отношение украинских писателей независимо не только от их национальной принадлежности, но даже идеологической ангажированности к ранее негласно табуированной теме. Так, в произведении Т. Мигаля «Шинок «Сельдь на цепи» (1966) предпринята попытка акцентировать национальные измерения Холокоста.

«Шинок «Сельдь на цепи» открывает пенталогию Т. Мигаля «Огонь и чад», посвященную Львову (кроме него в цикл входят произведения «Фабрика самолетов «Деревянная подошва», 1970; «Ревю «Блиц-криг», 1974; «Пробужденный город», 1976; «Последний пароль», 1979).

Хронологически роман охватывает первые пять месяцев немецкой оккупации Львова – вторую половину 1941 года, а его действие концентрируется в одном из кварталов города – Железнодорожном рынке, раскинувшимся вокруг площади Брестской унии и слывущем пролетарским. Особенность этого места отражает название шинка, который становится эпицентром романного действия: «А в каком районе этот шинок? В батярском, воровском, романтично-таинственном... Поэтому

сельдь надо вешать на цепь, чтобы не украли» [6, с. 66]. С помощью ловкости и обмана, хитрости и блефа новым владельцем заведения становится вчерашний студент Юрко Недовоз, на помощь которому приходят его старые товарищи – Роман Кардаш и Иван Каштанюк. Шинок становится моделью национальной, социальной и политической жизни Львова начала войны: здесь пересекаются пути украинцев, евреев, поляков, немцев, фольксдойче; здесь находится место бездомному калеке Франьо, проститутке Зоньке, инженеру Нагорному, профессорам Мальчинскому и Пальчинскому. Рядом с аполитичным Юркой Недовозом, который ради коммерции идет на сделки с новой властью, оказываются оуновец Иван Каштанюк и его брат-коммунист Мико. Поэтому этнонациональная характеристика львовян, данная немецким офицером («Черт вас здесь перемешал, как в вавилонской башне, каждый третий на еврея похож...» [6, с. 50]), подчеркивает общее ощущение вавилонскости в изображении различных сфер жизни города.

Роман «Шинок «Сельдь на цепи» имеет автобиографический характер, ведь Т. Мигаль имел опыт работы в одноименном заведении: «Шинок этот получил в аренду в 1942 студент Василий Найда и скоро сумел сделать из него прибыльное предприятие, к которому не только заходили торговцы с площади, но и актеры и писатели, и даже представители власти. Сам Найда не успевал администрировать свое предприятие, и ему на помощь пришли друзья: один из них студент техники и в то же время владелец хорошего баритона, благодаря которому попал солистом на сцену оперного театра, Иван Вересюк, и Тарас Мигаль, который учился в медицинской школе...

Сначала Мигаль получил в аренду шинок Винда, но сам любил выпить, и угостить коллег, и бизнес не удался. Тогда перешел в трактир на площади Брестской унии...

До войны ... был когда-то кабак Абца, который все называли «Под селедкой». Восстанавливая при немцах заведение, Мигаль и его друзья оставили это название с добавлением «на цепи» [2, с. 226–227].

Предвосхищает «еврейский вопрос» в романе трагическая смерть украинца Сидора Нагорного, который погибает от пули, выпущенной офицером СД в неизвестного еврея. Смерть инженера на празднике благодарности немецким войскам приобретает символическое звучание: в обществе, где человек, независимо от его национальности, становится мишенью, никто не может чувствовать себя защищенным.

Атмосфера враждебности нацистского режима к еврейскому населению города передана лаконичными, но емкими деталями – от уничтожения культовых сооружений и жилых домов [см.: 6, с. 35] до расстрелов людей. То, что о последнем в романе речь идет от имени не-

скольких персонажей, подчеркивает информационную проницаемость темы Холокоста во львовском обществе. Через надежду Абца получить аусвайс (и не попасть в трамвай, «который едет на Лычаковскую, заполненный до отказа евреями, а возвращается в город всегда пустой» [6, с. 140], «не копать себе яму в Кривчицком или Яновском лесу» [6, с. 143]), вопрос Данки к эсэсовцу («А разве евреев разрешается убивать на улицах, как зайцев в лесу?» [6, с. 159] и т. д. автор подчеркивает масштабы преступления.

Важной составляющей художественного развертывания темы Второй мировой войны и Холокоста, в частности, является отношение к ней персонажей произведения, переданное писателем в широком эмоциональном диапазоне от равнодушия Юрка Недовоза («Не он придумал идею уничтожения еврейского народа и не он несет ответственность за это. В этом вопросе – его хата с краю» [6, с. 143]) к осуждению бездействия и приспособленчества из уст Ивана Каштанюка: «Все мы как сеledка на цепи, это гениальное название не только для шинка, для всего нашего положения, жизни. Львов стал бочкой тухлой сеledки, от которой вонь тянется по всей Галичине» [6, с. 212]. Автор делает эту трансформацию настроений созвучной изменениям в национальной политике немецкого режима на оккупированных территориях, которое в романе воплощается в образе гестаповца Ганса. Именно из уст этого польского немца, с которым сначала подружились Юрко и Иван, звучит план решения «украинского вопроса»: «Над твоей Украиной, – говорит он Ивану, – навсегда прозвонили похоронные колокола... Поляков, чехов, белорусов – истребим вслед за евреями. В Польше воцарятся готы, в Белоруссии – вандалы. Украинцев и россиян, тех, что останутся, будем гнать с каждым годом все дальше на восток... Там и закончится ваше путешествие. Просто – сбросим вас в море» [6, с. 222].

Тема оккупационной судьбы евреев Львова наиболее полно представлена в истории Абца – бывшего владельца шинка, от которого заведение и переходит Юрку Недовозу. Национальность Абца акцентирована как единственная причина его несчастий, а позже и гибели: «Абцо – порядочный человек, но он еврей...» [6, с. 16]. Автор не обобщает отношения украинцев к евреям, а говорит об индивидуализированных проявлениях. Так, в случае с Абцем, соседи, несмотря на запрет прятать евреев, отчаянно спасают его во время облав, выдавая за украинца. Настоящим счастьем для человека, который в подвале шинка качает воздух для подачи пива, становится получение аусвайса, дающего право официально работать у Юрка: «он, Абрам Денкель 1885 года, еврей, занят на постоянной работе в тресте ресторанов и столовых, и магистрат Львова просит его не беспокоить» [6, с. 140]. Но документ не спасает

Абца от смерти, потому что родительское чувство оказывается сильнее инстинкта самосохранения, когда надо скрыть причастность дочери к убийству гестаповца: «Ошалевший, поднял высоко топор и замахнулся. Острые попало точно на то место, откуда шла кровь. Раскрылась глубокая рана, спрятав след от удара ножа» [6, с. 149]. Именно дочь Абца и Берты Агнешка, которую в конце произведения читатель видит в партизанском отряде, становится единственной спасенной из семьи.

В историю литературы автор «Шинка ...» вошел не как крестник В. Стефаника или представитель «семьи нелегкой жизненной судьбы» [3, с. 3], который и сам подвергся ссылке в Сибирь, а как автор антинационалистических памфлетов. «Эффектом двойного отрицания» называет К. Котынка прием, с помощью которого советует читать роман Т. Мигалья: «автор отрицательно оценивает лицо или явление, а читатель, в свою очередь, негативно оценивает эту оценку, чтобы в конце концов принять только фактическое знание, лишённое оценочного компонента» [5]. Поэтому, и его памфлеты с помощью такого приема становились своеобразными справочниками политической жизни Галичины межвоенного и военного времени, о которой в те времена из других источников нельзя было узнать. Возможно, приведенные Р. Иванычуком слова писателя – «Мы делаем, Роман, одно дело, только за твой труд тебя когда-то будут славить, а меня опорочат...» [3, с. 4] – позволят по-новому понять суть его коллаборантства. Потому что, как отмечал Н. Ильницький, «его судьба и его воля были сломаны, но он не желал этого другим» [4, с. 18].

Рецепция романа Т. Мигалья, с которым связаны процессы гуманизации украинской литературы о событиях Второй мировой войны, в частности, акцентирование темы жертв войны, сегодня является важной в контексте общемировых тенденций поиска понимания и осознания собственной ответственности за недопущение повторения трагических страниц истории, одной из которых стал Холокост. Как образец индивидуализированного травматического опыта, произведение имеет важное значение для формирования исторической памяти, в том числе связанной с Холокостом.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
2. Винничук, Ю. Кнайпи Львова / Ю. Винничук. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2005. – 293 с.
3. Іваничук, Р. Майстер львівського урбанізму / Р. Іваничук // Мигаль Т. Шинок «Оселедець на ланцюзі». – Львів: Проман, 2006. – С. 3–7.

4. Ільницький, М. Замість «curriculum vitae» / М. Ільницький // Слово про вченого. Микола Ільницький / упоряд. В. Будного. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2011. – С. 3-22.
5. Котинська, К. Білі плями а rebours: Львів у літературі Польської Народної Республіки та УРСР [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://uamoderna.com/demontazh-pamyati/kotynska>. – Дата доступу: 05.01.2019.
6. Мигаль, Т. Шинок «Оселедець на ланцюзі» / Т. Мигаль. – Львів: Проман, 2006. – 240 с.
7. Старовойт, І. Бумеранг пам'яті: про стидкі і страшні спогади в українській літературі [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litakcent.com/2018/02/02/bumerang-pam-yati-pro-stidki-i-strashni-spogadi-v-ukrayinskiy-literaturi/>. – Дата доступу: 05.01.2019.
8. Щацька, Б. Минувле – пам'ять – міт / Б. Щацька. – Чернівці: Книги – ХХІ, 2011. – 248 с.

## БИБЛЕИЗМ КАК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА. КЛАССИФИКАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ

### BIBLICAL EXPRESSIONS AS PHRASEOLOGICAL UNITS. CLASSIFICATIONS OF BIBLICAL EXPRESSIONS

*Е. Э. Жевнерович<sup>1)</sup>, О. О. Сергиенко*

*A. Zhevnerovich, O. Sergienko*

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

*e-mail: <sup>1)</sup>zhevnerovich@mail.ru*

В статье рассматриваются характерные черты, которые позволяют относить библеизмы к разряду фразеологизмов, а также анализируются различные подходы классификации библеизмов как фразеологических единиц.

*Ключевые слова:* библеизм; фразеологизм; фразеологическая единица; классификация фразеологизмов.

The article concerns phraseological characteristics typical for biblical expressions. It analyzes various approaches to the classification of biblical expressions as phraseological units.

*Keywords:* biblical expression; phraseologism; phraseological unit; the classification of phraseologisms.

Для того, чтобы говорить об особенностях библеизмов как фразеологических единиц, следует выделить основные черты, характерные для фразеологизмов. В отечественной лингвистике работ по фразеологии множество. По мнению лингвистов, (Н.М. Шанский, И.А. Мельчук,